

Татьяна ГРАУЗ

ОН ГОВОРИЛ ОНА СЛУШАЛА ОН ГОВОРИЛ

ДАР РЕЧИ

он говорил безост новочно он плёл трещ л изрек л со-
общ л он вещь л толков л р згл гольствов л з лив лся
городил огород н мек л изъяснялся ронял к к янт рь и
к к цедру болт л отк лыв л штуки ввёртыв л выр же-
ния молот ерунду гундосил гнус вил ворч л перем лы-
в л косточки док зыв л что-то
он потерял д р речи.

ПТИЧИЙ ЯЗЫК

— когда встретились, ну, предств вь — р мку. в ней, господи, ну, в ней его пятн дц ть лет н з д, потом — ну, н него будто несколько п льто н п ялили, и сидит он, п рится, пыхтит, отдав ется и ж рко ему, неудобно, но будто принято сейч с эти п льто одно поверх другого носить, фу ты, господи, к к ему бедному тяжело.

— он что — потолстел? пост рел?

— ну, нет или д , д и к кое мне дело? я же не з муж з него собира юсь! просто что-то вдруг н слоилось и изменило черты его. он к к-то весь отяжелел. но через десять минут мы говорили с ним снов н том, птичьем, н шем с ним языке. и в дом его всё т же тяжёл я дверь. и в кв ртире всё те же ч шечки и ст к ны. и н одном, мне пок з лось, будто ещё сохр нился след от моей сто-лет-н з д-з бытой пом ды.

ОН БЫЛ ДОБРЫЙ

он водил ручкой по обр тной стороне счёт з кофе и р сск зыв л ей з вир льную теорию о жур влях и трёх рыбк х.

он слуш л чуть н смешливо, но ей нр вилось, когда он н ходу сочинял, чертил н обрывке бум ги солярные символы. и через шум к фетерия, гундося, вдруг з являл “я прочит л в одной моногр фии, что жур вль р с-кл дыв ет детёныш м рыбу по кругу. учёные до сих пор не могут понять этот ф кт. но если предположить”, он сниж л голос до детской почти интон ции “если предположить, что рыбки лягут все голов ми вдруг к центру, это будет, смотри, женский символ, если хвост ми, ну посмотри, это солярный, уже мужской зн к”.

он опил сь крепким кофе, хотелось домой, но ведь с м его позв л . вот-сиди-теперь-слуш й.

перед гл з ми мельк ли солярные зн ки: рыбки и жу-р вли.

он учёный, пишет исследов ние по нтропологии, т к дур чится — почему?

но когда слуш л , в ней будто воздушный кор бль или же дириж бль из с мого сердц медленно выплыв л. он был добрый, он поним л — т ким к к он непременно нужны дириж бли.

ЛОПНУЛО

что-то лопнуло между ними, когда он з говорил об отце. и верное, об отце он говорил не всем женщинам, с которыми ех л в м шине. но ей почему-то он говорил, что отец его был долго болен, и когда он приех л домой, в свой городок (т м он быв ет т к редко), он бег л в больницу. (з помнил). он говорил — в больнице полы деревянные, доски поскрипыв ли и п хло к рболкой. (т к он говорил). ещё говорил о деньг х, о том, к к лек рств иск л.

они очень долго стояли в “пробке”.

шёл снег.

и перекрёстке топт лись дв человек в белых курточк х и белых шт н х

он пошутил “смотри! м рси не”.

он вдруг умолк.

ст ло тихо.

будто и между ними всё это время шёл снег и вдруг р с-т ял прохл дно н лиц х и н одежде.

ТЕБЕ НЕ ПОНРАВИТСЯ

— ?

— это было н б лконе его иерус лимской кв ртиры. ну, прости, ты спр шив ешь, я отвеч ю. з п х цветущих деревьев. з был к к н зыв ются. гуденье к ких-то жуков. пол в ор нжевый ромбик. прохл дный. всё к к по кл ссику. ну, потом — борт, всё т кое. ну, не мог л ж я приб вить к его восьми от трёх, ещё девятого от меня, четвёртой.

— (молчим).

— ну, не молчи! ну, господи! ну, чего ты? только не н до мор ли! то мы всё время о чём-то высоком и вечном. и помни ещё о з поведях, и я р спл чусь совсем.

он отсчит л с лёгкостью ч евые.

и улице, когда я подтягив л сполз ющие время от времени гольфы, он бормот л “ну вот, я говорил — тебе не понр вится”. я пож л плеч ми. был вечер. Покровка . он н бр л по мобильнику “Лёню”. Лёня сонно откликнулся.

в эропорт я не ех л .

т к и прощ лись здесь, и Покровке.

он был рыж я, точно земля обетов нн я. широкие бедр . мускусный з п х пот , чуть кислов тый. веснушч т я и ж рк я. болт л без умолку о Кьеркегоре, те тре Мирзоев , психо н лизе. о том, что придум л новую книжку о методе интуитивного позн ния жизни. пособие для н чин ющих. к рт вя р сспр шив л “вот если бы н тот лиз торе нужно было пост вить н двух лош док “Жоржик ” и “Ковбоя”, куд б ты пост вил ?” я что-то невнятное н уг д отвеч л . потом всё сошлось. ок з лось — я интуичу.

до слёз было ж лко с ней р сст в ться.

в рыжую я был влюблен ещё с детств . быв л в её “тихих д лях”, где рыж я к ртинно сидел и л сково обним л соб ку, после, лениво облокотившись веснушч тыми рук ми о круглый обеденный стол, сочинял истории, перемешив я молочные детские смеси и Екклеси ст . к тому (последнему) лету было у рыжей трое детей. и пел он , когд з хмелеет, о золотистых огнях и о т инств х обетов нной земли.

ЗОЛОТО КОС МАРГАРИТЫ ПЕПЕЛ ВОЛОС СУЛАМИФЬ

он выскочил из дом в полвосьмого утр , когд он ещё сп л. быть рядом с ним к з лось ей невыносимым, к з лось, он не любит её. и то, что приходит к ждую ночь, это не от любви. он нес лсь по лее, стоял н ост новке. светило солнце. всё было свежим и утренним, зеленое то искрилось. втобус не появлялся. он н пряженно молч л . вдруг кто-то н ухо ей прошепт л “не грустите”. он обернул сь. “не грустите” з пнувшись “у в с” не зн я к к продолж ть “золотистые волосы”.

когд он мне р сск зыв л об этом, голос её чуть дрож л. мы подним лись по переулку, круто идущему в гору, где-то в р йоне “Т г нки”.

LACALUT

— ну, всё, всё, ну, успокойся.

(он сунул в рот щётку с п стой Activ Lacalut и долго и резко водил рукой)

— смотри не сломай себе зубы.

— что? он чистит ин че? или он не пускает тебя в ванную комнату?

— ну, успокойся, ну всё, я пошутил.

он по привычке тщательно полоскал рот чуть прохладной водой и попытался (совсем невпопад) закрутить на тюбике пробку. лицо её было испуганным и недоверчивым. и впервые будто бы злым.

он соврал.

он хотел посмотреть — как кизр внодушно-расслабленной он превратится... только в кого?.. он не знал. этот колодезь голостмвглубине до сих пор его волновал, но сегодня в ней было что-то прохладное и отрешенное. и он — соврал.

всё живоительно в ней и тянулось. смущал лишь злость. он притянул её. обнял. пробку выпал из расслабленных рук.

РОСТ

всё у неё было не вырост. да же плачье не выпускном.

мама однажды заметил, глядя на ноги её (обувь того размера было уже не достать) “что, Гулливерш, быть тебе с мужем с лилипутом”.

мамин (пусть и сердечный) грубость смутил.

о з мужестве не помышлял совсем. сидел, читал будто пристегнутый.

был он длинной и худенькой. и дополнительный ужин, что в неё впихивали, увы, не спасал. не метившаяся кривая грудь не придавала чертм явной женственности. всё в ней было длинно, тягуче, как в той изповедной реке, под мостками которой колышутся водоросли, и хочется между ними проплыть.

неожиданно вдруг он забеременел. тело её округлилось. рост будто родственным стал. и тот случайный, что не являлся почти пару месяцев, вырос под окнами точно тополь. потом его видели у подъезда. потом на пороге роддомом. бледный и непряжённый он бережно обнимал бело-розовый сверток, рядом стоял он — высокий и отрешённый. будто читал. он что-то на ухо ей тихо шептал и шептал.

ЦЕЛОВАЛ ГУБЫ, ЦЕЛОВАЛА УСТА

день был яркий и солнечный. после дождя. он шёл по аллею, смотрел на пруд, на сверкающую зелёную рябь. по тропе пробежали лёгкие тени. свежесть воздуха необычайная. нет, никогда он ему не признает, что от нежного голоса внутри у неё цветут небудки, от прикосновений грудь точно твёрдо спустился. бедра от жаркой кожи его давно издают солнечный лавандовый запах. детство какое-то так рассуждать, с улыбкой подумал, ведь не клумба. поблизит живот. в первый день всегда так. он скупил у старушки на выходе из метро все цветы. знала, он любит, знала, что рассеян, может всё перепутать. и долго-долго (до одурения) ждал её в том дурацком кафе. когда в сотый раз позвонил на мобильный, кто-то ответил “да в пятой он ... лежит с бинтованными у окнами”. перед дверью плакала ему признавая ли как переносили её со “скорой” в “приёмную”, как накладывали повязки, как сшивали кожу на горелом узком бедре. и что оно перепихнуто было как клумба.

он несмело протиснулся в приотворенную дверь. из распахнутых окон веяло полевыми цветами. будто что-то припомнив он прошептал “любезны уста твои милый”. он целовал её бледные посиневшие губы.

8 КОРЖЕЙ

— это он попросил, чтобы я сделала ей день рождения. (мы собрались на поминки.)

— ?

— и чтоб обязательно было вино и торт “наполеон”.

— вы его долго, не верное, делали? день или два?

— ну, я не правильно, не по классическому образцу, торт должен быть из восьми тончайших коржей. нужен специальный скелет. склеивать нужно в одном направлении (проводит руками вперед) я туда и сюда (движет вправо и влево) склеивала (кладёт крепкие сухие ладони к себе на колени) я сделала только (вдруг умолкает).

— сколько?

— (медлит) семь... два разломались... как бы так сделать, чтобы я могла слышать всё по отдельности (в ухе трещит слуховой аппарат, он взвизгивает и пронзительно звывает).

все говорят с В р в рой Сергеевной будто с ребёнком. ей девяносто. крошечн я. п хнет к ким-то ром шковым мылом, тр вой свежескошенной. говорит об умерших к к о живых, и если хочет спросить, ст р ется выпрямить спину и чинно по-книжному произносит “я бы хотел узн ть к к ты относишься...” от смущения он не зн ет что отвеч ть.

ЦВЕТОЧКИ

з четыре б рхотки (р сс д в полусухих конус х чернозем) В р в ре Сергеевне н счит ли всего шестьдесят. он удивил сь “т к м ло?” и з хотел ещё две лые розы. ей посчит ли и их. в рук х у неё з ж т купюр в пятьсот. он попросил “д йте и этих мелких для дочки (подслепов то щурится) он их любит... любил ... они стояли всегда у неё н столе”.

ЖУЧОК

к к-то соседку В р в ры Сергеевны ст ренькую Евгению В. спросили “что он больше всего хотел бы увидеть из детств “. он простодушно ответил “жучк . он прилет л к н м в посёлок. я т м жил до бомбёжки. жучок прилет л, с дился н яркий подсолнух”. Евгения В. вздрогнул . “я бы его не убил , но я... я испуг л сь”. он покр снел . “я жуков т ких больше не видел ... я ничего больше не видел ... никогда ”. Евгения В. теревит н ощупь подсолнух, лущит семечки и улыб ется всем.